

DOI 10.69571/SSPU.2025.99.6.007
УДК 711.4:94(571)»1950/1960» (045)
ББК 63.3(253)6-22

В.Н. ГОРЛОВ

**ВОПРОСЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛЫХ
ЗДАНИЙ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ
В 1950–1960-Х ГГ.:
ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ**

V.N. GORLOV

**DESIGN ISSUES OF RESIDENTIAL BUILDINGS
IN SIBERIAN CITIES IN THE 1950–1960S:
NATURAL, CLIMATIC AND DEMOGRAPHIC
FACTORS**

В статье отмечается, что в 1950–1960-х гг. для районов Сибири были необходимы проекты зданий, приспособленных к быту и суровой природной обстановке. В статье подчеркивается, что в стране полным ходом разворачивалось массовое жилищное строительство, поэтому уникальные инновационные проекты редко воплощались в жизнь, многие смелые утвержденные проекты подлежали пересмотру и уступали место типовым домам. Производственные цели освоения Сибири в СССР в 1960-е гг. все в большей мере уступали место социально-территориальным, которые имели приоритетное значение для определения программ и направленности развития архитектуры сибирских городов. В статье показано, что факторы социально-демографического развития оказывались первичными и более дифференциирующими, чем экстремальность природно-климатических условий. Задачей дальнейшего развития архитектуры жилой среды Сибири становилось совершенствование типов массового жилища на всех уровнях реализации жилищной политики.

The article notes that in the 1950s and 1960s, Siberian regions required building designs adapted to everyday life and the harsh natural environment. It emphasizes that mass housing construction was in full swing in the country, so unique innovative projects were rarely implemented, and many bold approved designs were subject to revision and given way to standardized housing. The industrial goals of developing Siberia in the USSR in the 1960s increasingly gave way to socio-territorial objectives, which had a priority in determining the programs and direction of architectural development in Siberian cities. The article demonstrates that socio-demographic factors were primary and more differentiating than the extreme natural and climatic conditions. The goal of further developing Siberian residential architecture became the improvement of mass housing types at all levels of housing policy implementation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: типовое проектирование; региональные особенности, градостроительство, климатические условия, социальные проблемы, демографический фактор, жилищное строительство.

KEY WORDS: natural features, planning of residential areas, architectural environment.

ВВЕДЕНИЕ. В Сибири с каждой вновь построенной шахтой, рудником, промышленным предприятием, железнодорожной линией в тундре и тайге появлялись поселки и города, развивалось жилищное строительство. Для его осуществления нужна была проектная документация, учитывающая бытовые и климатические особенности районов строительства.

Строительство в Сибири имело большие перспективы. Каждый новый пятилетний план предусматривал дальнейшее развитие народного хозяйства Сибири. Увеличивались ка-

питальные вложения на жилищное строительство, которое должно было осуществляться на основе новейшей техники, быстро, экономично и прочно.

Руководством страны была отмечена необходимость создавать условия для обеспечения кадрами вновь вводимых в действие предприятий, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока. На первый план выдвигался поиск оптимальных объемно-планировочных решений для жилых и общественных зданий массового строительства в городах Сибири.

ЦЕЛЬ статьи заключается в изучении природно-климатических и демографических факторов, связанных с планировкой жилых зданий сибирских городов в 1950–1960-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методологической основой исследования является комплекс общенациональных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. На севере Сибири в 1950-е гг. большое значение имела малоэтажная застройка: двух-трехэтажные жилые дома, общественные и коммунально-бытовые здания. Как правило, строительство велось по действующим типовым проектам, принятым при разработке генерального плана поселка или города [16, с. 60].

Правильно подобрать и применить типовые проекты — это, по существу, значило целесообразно разрешить проблему населенного места во всем ее многообразии как на период строительства, так и на период, во много раз больший, — период эксплуатации зданий. Каждый типовой проект, намечаемый для применения, предварительно очень строго был проанализирован со всех точек зрения.

Проект жилого дома должен был обеспечивать максимальные удобства для проживающих, учитывать климатические и природные условия района, а также отвечать эстетическим требованиям. Типовой проект являлся и организующим началом самого производственного процесса возведения здания, определяя и методы строительных работ, и уровень их механизации, а следовательно, и темпы, и экономику.

Но всегда ли проектировщику удавалось подобрать нужные типовые проекты жилых и гражданских зданий, в частности, для районов Сибири? На первый взгляд, казалось бы, в этом не должно было быть особых затруднений. Издавались каталоги утвержденных типовых проектов. Институтом типовых проектов при Государственном комитете по делам строительства систематически выпускались информационные бюллетени, в которых давались аннотации к типовым проектам жилых, гражданских, промышленных и других зданий, утвержденных и рекомендованных к применению. Нельзя не указать, что в каждом типовом проекте давалась для районов с различной расчетной температурой разная толщина наружных стен зданий и утеплителей чердачных перекрытий. Но этим и исчерпывался «учет климатических районов строительства».

Наружные расчетные температуры бесспорно являются фактором, определяющим необходимость вносить «поправку» на толщину стен и утеплителя чердачного перекрытия. Но могут ли объемно-планировочные, архитектурные и конструктивные решения здания оставаться едиными, не требующими никаких изменений? Разве удобства, долговечность и стоимость эксплуатации здания не зависят от того, насколько разумно и логически обосновано решены все его элементы? На здание воздействует сложный комплекс природных и физических факторов — солнце и влажность воздуха, ветер, вода и мороз, геолого-гидрологические условия и пр. В городах Сибири их совокупное влияние оказывалось сильнее, резче, более неблагоприятным, чем в районах средней полосы России. Проектировщики не могли не учитывать этого, ибо правильные принципы проектирования рождались из отличного знания условий, в которых будет существовать здание, и строились на основе множества наблюдений, опыта, оценки сделанного.

Жизнь настоятельно требовала для районов Сибири проектирования зданий, приспособленных к быту и суровой природной обстановке. Эти проекты должны были обслуживать огромную территорию советской страны, где шло большое и разнообразное строительство.

Они должны были разрешить еще не решенные архитектурные и конструктивные вопросы проектирования.

Очертание планов домов должно было быть предельно простым: прямоугольным — главным образом и угловым — как функционально необходимым для застройки углов квартала. Усложненные планировки — П-образные, Н-образные и др. — создавали чрезвычайно неблагоприятные условия эксплуатации зданий — охлаждаемость помещений, связанную с большим количеством наружных и внутренних углов стен, сложные кровли, в которых много разжелобков — наиболее быстро выходящих из строя элементов крыши, заносимость дворов снегом — обстоятельства, очень существенные в Сибири, вызывающие необходимость больших расходов на уборку огромного количества снега. Многократная за зиму очистка снега на железной кровле неизбежно будет разрушать ее.

В планировке северных поселков и городов Сибири неизбежны улицы широтного направления. В условиях севера застройка южной стороны таких улиц с минимумом жилых комнат, ориентированных на север, требовала особого внимания. Долгая зима, холод и ветры, слабая освещенность — причины того, что северный житель значительно большее время своей жизни проводит дома. Забота проектировщика о создании максимально светлой квартиры становилась первостепенной. Комнаты, обращенные на север, особенно пасмурны. Однако в действующих проектах, как правило, жилые комнаты были расположены по главному фасаду, в широтных зданиях — по главному и дворовому, поэтому большое количество их все же оказывалось ориентированным на север. Даже в лучших проектах жилых домов, сделанных с учетом этого обстоятельства, жилых комнат северной ориентации было 40–50 проц. В силу этого, в составе серий проектов жилых домов совершенно необходимо было иметь здания со значительно большей нагрузкой главного фасада вспомогательными помещениями и отнесением максимума жилых комнат к дворовому и боковым фасадам [5, с.29–30].

Большую роль играет архитектурная обработка фасадов зданий. Каждая деталь должна быть оправдана целесообразностью и сделана прочно, на многие годы. Систематические и частые расходы на ремонт фасада являлись неопровергимым показателем неудовлетворительного проекта. Все необходимые выступающие архитектурные элементы должны тщательно покрываться железом или выполняться из прочных морозостойких и влагостойких материалов.

Для северных районов Сибири нельзя было рекомендовать к широкому применению многие из обычных элементов обработки фасадов — эркеры, лоджии, ниши, балконы. Эркер, усложняя производство работ, крайне незначительно увеличивает жилую площадь, но благодаря наличию многих углов усиливает охлаждение помещений, сопряжение стен зачастую промерзает, ребра эркеров часто разрушаются, и здание начинает быстро стареть, теряя вид и привлекательность, на которую рассчитывал архитектор.

Лоджии и ниши являются надежными хранилищами сильно уплотненного, спрессованного за долгую зиму снега. В Сибири периоды таяния и замерзания носят затяжной, очень длительный характер. Снег и лед, образовавшиеся в лоджиях и нишах, оттаивая днем, пропитывали штукатурку, вода стекала по стенам, образуя потеки, к вечеру замерзала. В результате — здание теряло новизну окраски, свежесть, а затем начинали разрушаться штукатурка и основной материал стен.

Среди типовых проектов жилых и гражданских зданий почти не было домов без балконов. Между тем для северных условий балкон функционально не нужен и является часто причиной многих неудобств в быту. Балконные двери сильно охлаждают комнаты, создают сырость, требуют особо тщательной заделки на зиму. Потеряв прямое функциональное значение, балкон оставался «элементом фасада», но и в этой роли он не оправдывал себя. В результате большого скопления на нем снега, весной на стенах под балконом образовывались трещины или откупе штукатурки — первые тревожные симптомы будущего разрушения [10, с. 147–148].

К сожалению, к этим вопросам не было привлечено надлежащего внимания со стороны Научно-исследовательского института архитектуры жилища, несмотря на их значение. Правильное конструктивное решение фасадов для условий северных районов сэкономило бы советскому государству много миллионов рублей, ускорило бы строительство и позволило бы избежать дорогих ремонтных работ при эксплуатации.

В северных городах Сибири к весне около зданий образовывались плотные пласти снега, доходящие иногда до 2 м по высоте. Именно здесь начиналось весенне оттаивание. Поэтому исконный северянин строя свой дом, высоко поднимал пол жилой части и крыльца, и подполье делал так, чтобы вода не могла в нем задерживаться. Логика конструкции вытекала из народного опыта, правильно решавшего удобства и экономику быта. Входную площадку лестничных клеток для зданий целесообразней было проектировать поднятой на полметра, что позволило бы избавить жителей от неудобств и улучшало бы эксплуатационные качества дома [6, с. 65].

Рассмотренные вопросы говорили о необходимости создания для северных городов Сибири новых типовых проектов, в которых были бы разрешены поставленные вопросы. Это позволило бы создать многообразные и интересные планировки городов. Проекты должны были создаваться на основе самых последних достижений строительной техники.

Индустриализация строительства тормозилась отсутствием таких проектов. Техническая база индустриализации в середине 1950-х гг. в СССР была создана. Были построены и расширены во многих районах страны заводы и полигоны железобетонных конструкций, имелось крановое оборудование, необходимые материалы, кадры. Длительный зимний сезон и связанное с этим удорожание работ, тяжелые грунтовые и климатические условия повсеместно диктовали строить быстро, строить индустриально из сборных заводских конструкций. К этому должен был обязывать прежде всего детально разработанный типовой проект.

В решениях типовых проектов зданий учитывались главным образом демографические, климатические и геологические особенности районов строительства, тогда как в градостроительном отношении состав вариантов проектов в сериях условно принимался примерно одинаковым, ориентируясь на усредненные условия застройки жилых районов. Это являлось одной из причин однообразия застройки.

Принципы построения архитектурных ансамблей приобретали ещё большее значение при широком применении типовых проектов, в условиях индустриализации строительства. Их правильное применение благотворно сказывалось на облике ряда новых городов и новых жилых районов. В качестве примера можно отметить город Ангарск, где была преодолена опасность однообразия застройки, грозившая при применении многократно повторяемых типовых проектов. Была удачно решена главная площадь Ангарска, размеры которой соответствовали высоте окружающих зданий. В её архитектурном облике было найдено удачное сочетание живописности с ясной закономерностью построения ансамбля.

В сибирских городах шли поиски такой жизненной среды, которая гармонировала бы с непрекращающимся ростом производства и не нарушала биологического равновесия в природе и организме людей. Прежде всего необходимо было отказаться от ложного представления о том, что сохранение в структуре населенного места естественного ландшафта будто бы сковывает творческие возможности градостроителя и не согласуется с индустриальными методами строительства. В Программе КПСС отмечалась необходимость «...проведения системы мероприятий по дальнейшему оздоровлению условий жизни в городах и других населенных пунктах, включая их озеленение, обводнение, решительную борьбу с загрязнением воздуха, почты и воды» [7, с. 268]. Вот почему градостроители не должны были проявлять терпимости к непродуманному размещению и строительству промышленных предприятий.

В связи с живописным растительным миром тайги формировались города Ангарск, Тайшет, Академический городок под Новосибирском и другие сибирские города. В жилых массивах этих городов синтез планировки, застройки и естественного ландшафта достигался как бы их

взаимопроникновением. На основе естественного лесного ландшафта создавалась ступенчатая система озеленения, соответствующая функциональной организации города [2, с. 13-14].

Ангарск стал не только крупным промышленным центром Восточной Сибири, но и городом-садом. На первой стадии строительства Ангарска была проведена значительная работа по функциональному зонированию территории, сохранены лесные массивы в самом городе. Разумное сочетание ценных природных качеств с застройкой позволило создать рядом с промышленным районом благоприятные условия для жизни людей. Особого внимания заслуживал применяемый в Ангарске и Братске метод так называемого «выгораживания» зеленых массивов, подлежащих сохранению в застройке [9, с. 21-24].

К сожалению, в градостроительной практике имели место случаи безответственного отношения к природным богатствам. Недопустимое загрязнение воздушного бассейна и водоемов наблюдалось в расположеннем недалеко от Иркутска городе Шелихове, окруженнем лесистыми отрогами Саянских гор. Однако в его структуре были плохо использованы природные факторы. Наряду с положительными явлениями в планировке и застройке Ангарска санитарно-гигиенические условия жизни в 1960-е гг. значительно ухудшились. Это было вызвано неправильным размещением новых, не предусмотренных генеральным планом, промышленных предприятий, не оборудованных системами очистки производственных выбросов. Сохранение зелени не стало, к сожалению, одним из твердых принципов градостроительной деятельности в этом городе. Естественные массивы зелени, сыгравшие значительную роль в благоустройстве города на раннем этапе его строительства, полностью уничтожались во вновь строящихся кварталах четырехэтажных домов. При этом строители без должных оснований ссылались на индустриальные методы возведения зданий, сложное крановое хозяйство, якобы обуславливающие устранение зелени [11, с.8-9].

Примером бережного отношения к сохранению природных ресурсов и умелого их использования служил опыт строителей Академгородка под Новосибирском. В 1962 г. он занимал 1260 гектаров [2, с.16]. Здесь успешно решалась одна из сложнейших задач градостроительства — сохранение зеленых массивов среди застройки. Наименьшие потери зелени достигались при размещении подкрановых путей со стороны входов в жилые дома, где прокладывались подземные коммуникации, устраивались пешеходные дорожки и складировались готовые конструкции и изделия. Академический городок под Новосибирском стал примером гармоничного сочетания схемы планировки и застройки с окружающими лесными массивами. На участках, свободных от леса и примыкающих к магистрали, размещались здания институтов или жилые микрорайоны, которые своей тыльной стороной сливались с лесными массивами.

Изучение проектных предложений, по которым были застроены районы Братска, Иркутска и других сибирских городов, а также результаты обследования жилых кварталов позволили сделать определенные выводы и разработать основные положения для планировки и застройки жилых районов с суровым климатом. Эти положения и послужили основой для разработки экспериментальных проектов микрорайонов [9, с.27].

В этой связи необходимо оценить весь тот опыт, который дала практика застройки северных населенных мест и, в частности, практика застройки наиболее благоустроенного из них — города Норильска.

Работа над проектом города развивалась в трех направлениях: борьба за устойчивость зданий, возводимых на вечномерзлых грунтах, экономичность застройки в условиях долгостоящего освоения этих грунтов и уменьшение влияния суровой среды. Устойчивость зданий и сооружений обеспечивалась здесь рядом наиболее простых и эффективных приемов, а экономичность достигалась компактным решением генерального плана города и использованием преимущественного пятиэтажной жилой застройки.

Но система застройки, размещение и типы жилых и общественных зданий не обеспечивали должной организации жизни людей в суровом климате. Единственный принцип,

который получил развитие в застройке города,— снего— и ветрозащита отдельных дворов и внутrikвартальных пространств посредством замкнутого или полузамкнутого фронта зданий. Однако принцип замкнутой застройки носил весьма условный характер, так как жесткая система улиц и разрывы между жилыми зданиями позволяли ветру проникать на территорию города. Это вызывало значительные снегозаносы и затрудняло пребывание человека на открытом воздухе.

Чтобы оградить граждан от неблагоприятного воздействия указанных факторов в Норильске стали создавать многорядный фронт застройки, защищающего от сильных ветров участки детских яслей-садов и школ, а также территории для отдыха населения на открытом воздухе, что было необходимо в целях безболезненной акклиматизации и поддержания здоровья детей и взрослых. В городе стали использовать специальные типы жилых и общественных зданий на основе номенклатуры комплексной серии типовых проектов, разработанных в 1964 г. Ленинградским зональным научно-исследовательским институтом экспериментального проектирования (ЛенЗНИИЭП) для I строительно-климатической зоны. [4, с. 161–162]. В целях экономичности строительства на вечномерзлых грунтах и при сложном рельефе застройка Норильска проектировалась повышенной компактности, с укрупненными общественными зданиями, жилыми домами в девять этажей большой протяженности. Кроме этого, в композицию с середины 1960-х гг. включались 12-этажные жилые дома.

Для достижения наибольшей компактности застройки и удобства для населения основная часть учреждений повседневного культурно-просветительного и торгово-бытового обслуживания была сосредоточена в зданиях общественных центров микрорайонов. Детские ясли-сады размещались в самостоятельных укрупненных зданиях равномерно по всей территории. Комнаты отдыха, самодеятельные мастерские и постирочные, помещения для хранения хозяйственного инвентаря оборудовались в первых этажах жилых домов. Благодаря внутреннему пешеходному переходу, соединяющему по первому этажу все лестничные клетки, эти помещения стали легко доступны для жителей каждого из домов.

В Норильске отказались от традиционной системы благоустройства, так как она не давала положительных результатов из-за неэффективности озеленения в данных климатических условиях. Специальные площадки для игр и отдыха, поднятые над поверхностью земли, значительно проще эксплуатировались в зимний период, так как меньше заносились снегом и проще расчищались. Архитекторы ЛенЗНИИЭПа в середине 1960-х гг. в своих проектах пытались поставить жизнь города вне зависимости от влияния сурового климата, широко применяя искусственно созданный микроклимат в зданиях и сооружениях. Проекты демонстрировали новые градостроительные решения при застройке северных городов, обеспечивающих равные, а иногда и более благоприятные, условия жизни населения по сравнению с городами, расположенными в средних широтах [14, с. 38–40].

В Новосибирске в 1965 г. были построены экспериментальные дома с квартирами, рассчитанными на самый различный контингент семей. Целью эксперимента было проверить: целесообразность строительства в Сибири компактного в плане жилого дома с широким корпусом и внутренней лестницей; эффективность применения квартир нового типа, рассчитанных на заселение семьями, состоящими из двух-семи человек. Использование раздвижных междукомнатных перегородок позволило получать комнаты различной площади, что значительно расширило варианность и повысило удобства квартир.

Теоретические исследования и экспериментальное строительство показали экономическую целесообразность строительства, эксплуатации и особенно снижение теплопотерь жилых домов с широким корпусом в условиях сурового климата Сибири. С оборудованием квартир знакомилась широкая общественность. Квартиры-выставки в течение двух месяцев посетили более 20 тыс. человек. Экспериментальное строительство подтвердило свою значимость в совершенствовании жилищ и внедрении оптимальных вариантов в массовое жилищное строительство [8, с. 45].

Советские архитекторы в 1960-е гг. нашли новые подходы к строительству в условиях суровой зимы, когда морозы достигали — 60 градусов. В середине 1960-х гг. группа советских архитекторов создала необыкновенный проект северного города в Якутии с новыми типами домов с широким корпусом, со всеми видами инженерного обеспечения. В Якутске архитекторы создали интересные проекты жилых домов с широким корпусом, которые были соединены теплыми переходами с общественным центром и детскими учреждениями и прикрыты от господствующих северных ветров домами ветрозащитной застройки. Однако в стране полным ходом разворачивалось массовое жилищное строительство, поэтому уникальные инновационные проекты редко воплощались в жизнь, многие смелые утвержденные проекты подлежали пересмотру. И эти проекты уступили место типовым домам массового жилищного строительства [17, с. 44].

Постепенно в сибирских городах переходили на строительство 12-этажных домов. Однако пронизывающие северные ветры создавали очень трудные условия проживания в многоэтажных домах с холодной радиацией стен и окон под напором морозного воздуха. Градостроительные методы строительства сибирских городов предполагали высокоплотную структуру, в которой не могло быть отдельно стоящих зданий. Объемно-планировочные решения строительства городов требовали архитектуру предельно компактных форм и разбитых внутренних пространств.

Вечномерзлый грунт занимает огромные территории страны. Это приводило к нарушению целостности и устойчивости грунтовых оснований, что вело к деформации рельефа, подтоплению и заболачиванию. В городах Западной Сибири — Лабытнанги и Салехарде, где строительство велось, как правило, с сохранением мерзлого состояния грунтов, деформации были отмечены во многих кирпичных и крупнопанельных домах. Потеря устойчивости оснований зданий на застроенных территориях была вызвана в основном нарушением природного температурно-водного режима в грунтах под влиянием техногенных воздействий. Неконтролируемое оттаивание и промерзание грунтов на застроенных территориях нарушило природное положение верхней поверхности мерзлых грунтов, что вызывало обводнение поверхностного слоя грунтов [1, с. 29-31].

В сибирских городах практически невозможно было избежать нарушения водного и теплового баланса в грунтах, но все изменения природного состояния должны были учитываться при разработке генерального плана застройки. Таким образом, одной из главных причин возникновения опасных процессов на застроенных территориях можно считать то, что в генеральных планах застройки городов не учитывали природные водообменные процессы, происходящие в вечномерзлых грунтах на территории городов, отсутствовал многолетний прогноз изменения грунтовых условий на застраиваемых территориях.

Развитие Западно-Сибирского региона за 1950-1960-е гг. не могло не отразиться на Томске, занимающим одно из ведущих мест среди городов Западной Сибири. В 1968 г. Гипрогором был разработан генеральный план Томска, который явился основным документом, определившим в последующие годы управление развитием города и позволившим целенаправленно формировать его планировочную структуру. На основе генерального плана велось массовое жилищное строительство — в районах Иркутского тракта, Каштака, Южной площади.

В то же время в практике проектирования и застройки города был отмечен ряд нерешенных вопросов. Отсутствовали выразительные по архитектуре новые ансамбли, улицы, площади. Были допущены серьезные нарушения функционального зонирования городской территории, недостаточно реализовывались предложения по упорядочению размещения промышленных и коммунально-складских предприятий, выводу из селитебной зоны вредных в санитарном отношении предприятий и организации санитарно-защитных зон.

Сложившаяся в конце 1960—х гг. практика планировки и застройки Томска вызывала обоснованное беспокойство. Принципы реализованного строительства новых жилых районов

Каштак и Иркутский тракт можно классифицировать как маловыразительные, лишенные индивидуальности, однообразные и недостойные прекрасной архитектуры старого Томска. Здесь можно наблюдать потерю градостроительного качества не только локального свойства, касающегося конкретных жилых территорий. Панорама Томска, обращенная на реку Томь, стала безлика, лишена выразительности и архитектурных акцентов. [12, с. 71–73].

Производственные цели освоения Сибири в СССР в 1960-е гг. все в большей мере уступали место социально-территориальным. В существующем подходе оказывались две противоположные тенденции. С одной стороны, узкорегиональный подход, опирающийся на строительно-климатическое районирование в отрыве от социально-демографической дифференциации типов поселений, стадий их развития. Другая сторона сложившегося подхода — отрыв от социально-функциональных основ проектирования, связанных с более общими процессами социального развития и урбанизации, универсальными для различных климатических районов страны. Это также приводило к непониманию истинной специфики сибирской архитектуры.

В связи с этим характерна в проектных разработках 1960-х гг. недооценка специфики Сибири (перенос в практику массового строительства сибирских городов типов жилых и культурно-бытовых зданий из других широт без учета структуры, динамики и потребностей населения), а также происходило отождествление экстремальности климатических условий с ограничением социальных потребностей.

Демографические процессы в стране оказывались как в формировании численности, так и новой социально-демографической структуры населения городских поселений Сибири. Рост народно-хозяйственного значения городских поселений вел к формированию более стабильной структуры их населения. Снижалась зависимость от притока населения из других районов страны. Вместе с тем прослеживались тенденции неоднородности темпов и характера демографических процессов, тесно связанных с темпами урбанизации. В молодых, стабилизирующихся сибирских городах была более высокая доля трудоспособного населения как результат интенсивной миграции предшествующих лет; более низка доля молодежи до 25 лет, обусловленная оттоком на учебу и работу на «материк»; ниже доля лиц пенсионного возраста; оказывалось преобладание мужского контингента, подчиненное характеру отраслей и суровости климата.

Однако в конце 1960-х гг. прослеживались новые тенденции — увеличение доли детского и женского населения, старших возрастов, что сближало молодые стабилизирующиеся и исторически сложившиеся города и одновременно приближало их к показателям возрастной и семейной структуры среднеширотных городов [15, с. 44–45].

Исследования показали, что факторы социально-демографического развития оказывались первичными и более дифференциирующими, чем экстремальность природно-климатических условий, т. е. социальные программы человека имели значение высших в сравнении с биологическими. Более существенными, чем численность населения, являлся уровень урбанизации, измеряемыми темпами изменений. В городских поселениях, находящихся на различных стадиях урбанизации, проявлялась неоднородность демоситуации; на аналогичных стадиях — общность тенденций развития семейно-возрастной структуры населения.

Главными социальными ориентирами для формирования архитектуры жилой среды все в большей мере выступали семья и личность. Исследования показали, что ведущую роль в дифференциации потребностей семей играли ее социальные параметры. При одном и том же демографическом типе семьи имел место целый ряд различных моделей ценностных ориентаций и образов жизни семей, указывающих на необходимость расширения типологии жилища — переход от однозначных критериев по числу членов семьи и кв.м. жилой и общей площади к социально-пространственным моделям жилых зданий и жилых ячеек, отвечающим качественным различиям категорий населения по их реальному и потенциальному образу жизни [3, с. 79–80].

Критерий временности проживания не мог быть определяющим в формировании жилой среды. Наоборот, ее социальный комфорт должен быть высоким для каждого поколения новых жителей, составляющих большую долю в сравнении с коренным населением. Архитектура выступала как фактор повышения самодостаточности структуры населения для производственных функций поселений, нейтрализации негативно действующих факторов.

Чем длительнее человек общался с северным городом, тем в большей мере возрастали его требования к функциональной организации городской и жилой среды. Уровень притязаний мигрантов 1960-х гг. был выше, чем мигрантов 1930-1950-х гг. Это разделяло ориентации поколений: большая устойчивость ветеранов в поведении и оценках предоставляемых условий проживания и большая нетерпимость к условиям жизни последующих мигрантов. Это указывало на особую необходимость социально активной политики в архитектуре Сибири, что означало ускоренное внедрение новых типорегиональных решений жилья, комплексного формирования жилой среды в синтезе жилых, рекреационных, оздоровительных, культурно-творческих, спортивных, торгово-бытовых функций [13, с. 29-30].

ВЫВОДЫ. Архитектура жилой среды должна быть ориентирована на создание социального комфорта постоянного проживания человека, несмотря на сменяемость однотипного контингента. Это сократит необходимость в механическом привлечении кадров извне, повысит самодостаточность населения в сферах труда, обслуживания быта работающих и их семей. Задачей дальнейшего развития архитектуры жилой среды Сибири становилось совершенствование типов массового жилища на всех уровнях реализации жилищной политики: типологии квартир, жилых домов, структуры жилого фонда, организации территориальных общностей, жилья и обслуживания, проведения реальных экспериментов, распространения прогрессивного опыта.

Основные пути совершенствования действующих массовых типов жилья сводились к расширению номенклатуры типов квартир по их комнатности, увеличению площади жилых комнат, развитию хозяйственной зоны квартиры.

В условиях менее урбанизированного поселения квартира несла на себе большую нагрузку в самообслуживании семьи, были более развиты традиционные формы общения в квартире, доме, микрорайоне. Сказывалось большее влияние традиционных форм бытового уклада и национально-бытовых традиций. В связи с этим более высокую социальную значимость имело развитие структуры жилого дома и комплекса — включение в его состав не только квартир, но и помещений хозяйственно-бытового и рекреационного назначения. Социальная инфраструктура города оказывала самое непосредственное воздействие на уровень социально-демографического развития семьи и урбанизированности образа жизни.

Развитие в северных городах новых типов квартир и домов требовало использования резервов перераспределения общей площади между типами квартир разной комнатности с целью пропорционального увеличения доли подсобной площади в квартире и вне ее. Другим направлением развития типов жилищ было изменение структуры жилых зданий с нормативным обеспечением внеквартирных помещений и оборудования (детских рекреаций, помещений для сушки одежды и белья, длительного хранения запасов продуктов на зимний период и др.). Требовалось взаимосвязанные решения нормирования жилья и обслуживания, жилья и придомового пространства. Существующие типологические схемы застройки, ориентируемые на климатические факторы, требовали дополнительной разработки через призму социальных, демографических, психологических и физиологических критерииев.

Важнейшими чертами жилого образования в климатических условиях сибирского региона являются повышенная компактность застройки его жилой территории, использование в застройке жилых домов ориентированного типа с соответствующими подрежимами эксплуатации помещений и обеспечение их оптимальной ориентации. Все это содействует лучшему использованию климатических ресурсов, оказывающих благотворное действие на микроклимат квартир и жилой территории, а также защите от их неблагоприятного влияния.

Среди общего комплекса вопросов, определяющих типы жилищ и приемы планировки и застройки жилых образований, одними из важнейших является должный учет климатических особенностей района строительства наряду с другими требованиями (прежде всего социальными), содействует устойчивости во времени типовых проектов. Это чрезвычайно важно для нормальной работы предприятий строительной индустрии.

Жилище, предназначенное для определенной территории, должно в полной мере отвечать не только характеристикам климатического фона, но и местным особенностям климата. Местные климатические особенности оказывают влияние на архитектурно-планировочную организацию жилища, на местоположение и устройство открытых пространств. Можно говорить об эффективности учета местных особенностей климата при типизации жилищ, так как при этом обеспечивается более высокая эффективность жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азгальдов Г.Г. К вопросу эффективности проекта жилого дома // Архитектура СССР. 1966. № 9. С. 29–31.
2. Баранов Н.В. Архитектурно-художественные вопросы градостроительства // Архитектура СССР. 1960. № 11. С. 13–19.
3. Бархин М.Г. Архитектура и человек. Проблемы градостроительства будущего. М.: Наука, 1979. 240 с.
4. Гуннина С.Н. Лица улиц: история города Норильска в истории норильских улиц. Норильск: Кактус, 2017. 342 с.
5. Кириллова Л.И., Павличенков В.И., Беляева Е.Л., Азизян И.А. Архитектурная композиция жилых и общественных комплексов. М.: Стройиздат, 1975. 160 с.
6. Киселевич Л.Н., Рабинович И.Л. Композиция массовых жилых домов и ансамбля застройки. М.: Стройиздат, 1973. 183 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Изд.8-е. М.: Политиздат, 1972. 567 с.
8. Кравцов Г.Ф. Жилые дома с квартирами нового типа // Архитектура ССР. 1965. № 7. С. 45–47.
9. Павличенков В.И. Практика новой застройки городов Сибири // Архитектура СССР. 1962. № 2. С. 21–27.
10. Перцик Е.Н. Город в Сибири. Проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.
11. Полянский А.Т. Архитектурное творчество и индустриализация строительства // Архитектура СССР. 1966. № 9. С. 1–10.
12. Постнов В.П. Замерцева В.И. Томск — проблема развития города на новом этапе // Архитектура СССР. 1986. № 3–4. С. 71–73.
13. Резник С.Д. Трудовые ресурсы в строительстве. М., Знание, 1980. 48 с.
14. Труниньш Я.К., Шипков А.И. Экспериментальный проект жилого комплекса в Норильске // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 38–44.
15. Трушков В.В. Население города и пригорода. М.: Финансы и статистика, 1983. 159 с.
16. Хиценко Е.В. Проблемы перехода на типовое проектирование в Западной Сибири в середине 1950-х годов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 3. С. 60–67.
17. Хромов Ю.Б. Взаимосвязь архитектуры и природы в городах и поселках Сибири. М.: Знание, 1987. 62 с.

REFERENCES:

1. Azgal'dov G.G. *K voprosu effektivnosti proekta zhilogo doma* [On the issue of the efficiency of a residential building project] // Arhitektura SSSR. 1966. № 9. S. 29–31. (In Russian).
2. Baranov N.V. *Arhitekturno-hudozhestvennye voprosy gradostroitel'stva* [Architectural and artistic issues of urban planning] // Arhitektura SSSR. 1960. № 11. S. 13–19. (In Russian).

3. Barhin M.G. *Arhitektura i chelovek. Problemy gradostroitel'stva budushchego* [Architecture and Man: Problems of Future Urban Development]. M.: Nauka, 1979. 240 s. (In Russian).
4. Gunina S.N. *Lica ulic: istoriya goroda Noril'ska v istorii noril'skih ulic* [Faces of the streets: the history of the city of Norilsk in the history of Norilsk streets]. Norilsk: Kaktus, 2017. 342 s. (In Russian).
5. Kirillova L.I., Pavlichenkov V.I., Belyaeva E.L., Azizyan I.A. *Arhitekturnaya kompoziciya zhilyh i obshchestvennyh kompleksov* [Architectural composition of residential and public complexes]. M.: Strojizdat, 1975. 160 s. (In Russian).
6. Kiselevich L.N., Rabinovich I.L. *Kompoziciya massovyh zhilyh domov i ansambylya zastrojki* [Composition of mass residential buildings and development ensemble]. M.: Strojizdat, 1973. 183 s. (In Russian).
7. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898-1971. Izd.8-e.* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee. 1898-1971. 8th ed.]. M.: Politizdat, 1972. 567 s. (In Russian).
8. Kravcov G.F. *ZHil'y doma s kvarтирami novogo tipa* [Residential buildings with new type apartments] // Arhitektura SSSR. 1965. № 7. S. 45-47. (In Russian).
9. Pavlichenkov V.I. *Praktika novoj zastrojki gorodov Sibiri* [New urban development practices in Siberia] // Arhitektura SSSR. 1962. № 2. S. 21-27. (In Russian).
10. Percik E.N. *Gorod v Sibiri. Problemy, opyt, poisk reshenij* [A City in Siberia: Problems, Experience, and the Search for Solutions]. M.: Mysl', 1980. 286 s. (In Russian).
11. Polyanskij A.T. *Arhitekturnoe tvorchestvo i industrializaciya stroitel'stva* [Architectural creativity and the industrialization of construction] // Arhitektura SSSR. 1966. № 9. S. 1-10. (In Russian).
12. Postnov V.P. *Zamerceva V.I. Tomsk — problema razvitiya goroda na novom etape* [Tomsk — the problem of city development at a new stage] // Arhitektura SSSR. 1986. № 3-4. S. 71-73. (In Russian).
13. Reznik S.D. *Trudovye resursy v stroitel'stve* [Labor resources in construction]. M.: Knowledge, 1980. 48 s. (In Russian).
14. Trunin'sh YA.K., SHipkov A. I. *Eksperimental'nyj projekt zhilogo kompleksa v Noril'ske* [An experimental residential complex project in Norilsk] // Arhitektura SSSR. 1965. № 7. S. 38-44. (In Russian).
15. Trushkov V.V. *Naselenie goroda i prigoroda* [Population of the city and suburbs]. M.: Finansy i statistika, 1983. 159 s. (In Russian).
16. Hicenko E.V. *Problemy perekhoda na tipovoe proektirovaniye v Zapadnoj Sibiri v seredine 1950-h godov* [Problems of transition to standard design in Western Siberia in the mid-1950s] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2014. № 3. S. 60-67. (In Russian).
17. Hromov YU.B. *Vzaimosvyaz' arhitektury i prirody v gorodah i poselkakh Sibiri* [The relationship between architecture and nature in the cities and towns of Siberia]. M.: Znanie, 1987. 62 s. (In Russian).